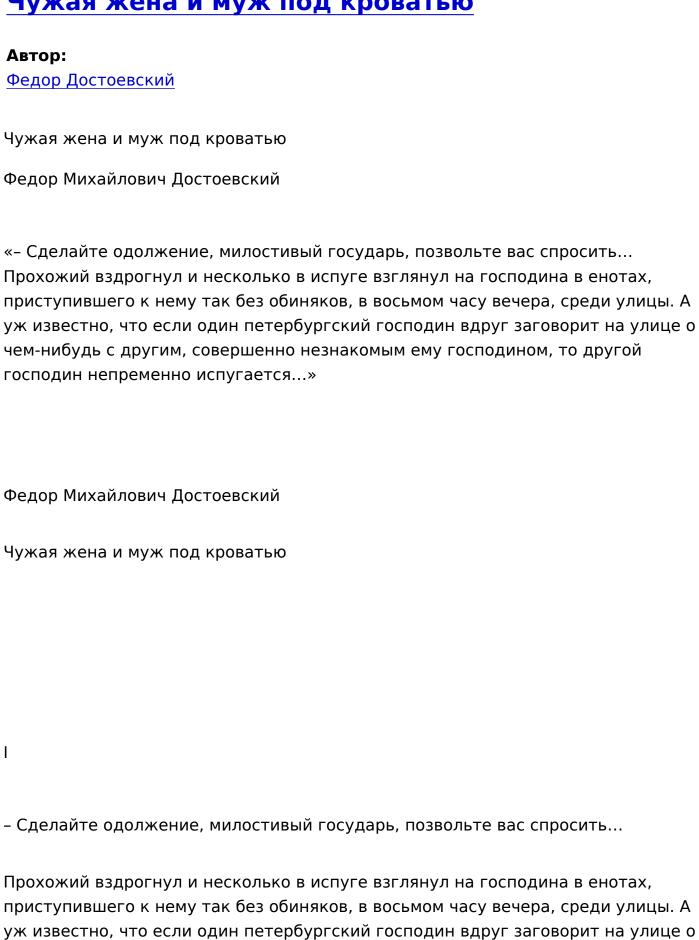
Чужая жена и муж под кроватью

чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается.

Итак, прохожий вздрогнул и несколько испугался.

- Извините, что я вас потревожил, - говорил господин в енотах, - но я... я, право, не знаю... вы, вероятно, извините меня; вы видите, я в некотором расстройстве духа...

Тут только заметил молодой человек в бекеше, что господин в енотах был точно в расстройстве. Его сморщенное лицо было довольно бледненько, голос его дрожал, мысли, очевидно, сбивались, слова не лезли с языка, и видно было, что ему ужасного труда стоило согласить покорнейшую просьбу, может быть к своему низшему в отношении степени или сословия лицу, с нуждою непременно обратиться к кому-нибудь с просьбой. Да и, наконец, просьба эта во всяком случае была неприличная, несолидная, странная со стороны человека, имевшего такую солидную шубу, такой почтенный, превосходного темно-зеленого цвета фрак и такие многознаменательные украшения, упещрявшие этот фрак. Видно было, что все это смущало самого господина в енотах, так что наконец, расстроенный духом, господин не выдержал, решился подавить свое волнение и прилично замять неприятную сцену, которую сам же вызвал.

- Извините меня, я не в себе; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обеспокоил вас; я раздумал.

Тут он приподнял из учтивости шляпу и побежал далее.

- Но позвольте, сделайте милость.

Маленький человек, однако, скрылся во мраке, оставив в остолбенелом состоянии господина в бекеше.

«Что за чудак!» - подумал господин в бекеше. Потом, как следует подивившись и вышед наконец из остолбенелого состояния, он вспомнил про свое и начал прохаживаться взад и вперед, пристально глядя на ворота одного бесконечно-этажного дома. Начинал падать туман, и молодой человек несколько обрадовался, ибо прогулка его при тумане была незаметнее, хотя, впрочем, только какой-нибудь безнадежно весь день простоявший извозчик мог заметить

- Извините!

Прохожий опять вздрогнул: опять тот же господин в енотах стоял перед ним.

- Извините, что я опять... заговорил он, но вы, вы верно, благородный человек! Не обращайте на меня внимания как на лицо, взятое в общественном смысле; я, впрочем, сбиваюсь; но вникните, по-человечески... перед вами, сударь, человек, нуждающийся в покорнейшей просьбе...
- Если могу... что вам угодно?
- Вы, может, подумали, что уж я у вас денег прошу! сказал таинственный господин, кривя рот, истерически смеясь и бледнея.
- Помилуйте-с...
- Нет, я вижу, что я вам в тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня в расстроенном состоянии духа, почти в сумасшествии, и не заключите чего-нибудь...
- Но к делу, к делу! отвечал молодой человек, ободрительно и нетерпеливо кивнув головой.
- А! Теперь вот как! Вы, такой молодой человек, мне напоминаете о деле, как будто я какой нерадивый мальчишка! Я решительно выжил из ума!.. Как я вам кажусь теперь в моем унижении, скажите откровенно?

Молодой человек сконфузился и смолчал.

- Позвольте вас спросить откровенно: не видали ль вы одной дамы? В этом вся просьба моя! решительно проговорил, наконец, господин в енотовой шубе.
- Дамы?

- Да-с, одной дамы.
- Я видел... но их, признаюсь, так прошло много...
- Так точно-с, отвечал таинственный человек с горькой улыбкой. Я сбиваюсь, я не то хотел спросить, извините меня; я хотел сказать, не видали ль вы одной госпожи в лисьем салопе, в темном бархатном капоре с черной вуалью?
- Нет, такой не видал... нет, кажется, не заметил.
- А! В таком случае извините-с!

Молодой человек хотел что-то спросить, но господин в енотах опять исчез, опять оставив в остолбенелом состоянии своего терпеливого слушателя. «А, черт бы его взял!» – подумал молодой человек в бекеше, очевидно расстроенный.

Он с досадою закрылся бобром и опять стал прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо ворот бесконечно-этажного дома. Он злился.

- «Что ж она не выходит? думал он. Скоро восемь часов!» На башне пробило восемь часов.
- Ах! Черт вас возьми, наконец!
- Извините-с!..
- Извините меня, что я вас так... Но вы так подкатились мне под ноги, что испугали совсем, проговорил прохожий, морщась и извиняясь.
- Я опять к вам-с. Конечно, я вам должен казаться беспокойным и странным-с.
- Сделайте одолжение, без пустяков, объяснитесь скорее; я еще не знаю, в чем ваше желанье?..
- Вы торопитесь? Видите ли-с. Я вам все расскажу откровенно, без лишних слов. Что ж делать! Обстоятельства связывают иногда людей совершенно

разнородных характеров... Но, я вижу, вы нетерпеливы, молодой человек... Так вот-с... впрочем, я не знаю, как и говорить: я ищу даму-с (я уж решился все говорить) Я именно должен знать, куда пошла эта дама? Кто она – я думаю, вам не нужно знать ее имени, молодой человек.

- Ну-с, ну-с, дальше.
- Дальше! Но ваш тон со мной! Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего... одним словом, если вам угодно оказать мне величайшую услугу, так вот-с, одна дама-с, то есть я хочу сказать порядочная женщина, из превосходного семейства, моих знакомых... мне поручено... я, видите ли, сам не имею семейства...
- Hy-c.
- Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! Извините-с; я все называю вас молодым человеком). Каждая минута дорога... Представьте себе, эта дама... но не можете ли вы мне сказать, кто живет в этом доме?
- Да... тут много живут.
- Да, то есть вы совершенно справедливы, отвечал господин в енотах, слегка засмеявшись для спасения приличий, чувствую, я немного сбиваюсь... но к чему такой тон ваших слов? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь в том, что сбиваюсь, и если вы надменный человек, то уж вы достаточно видели мое унижение... Я говорю, одна дама, благородного поведения, то есть легкого содержания, извините, я так сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вот выдумали, что Поль де Кок[1 Поль де Кок французский писатель XIX в., чье имя стало символом фривольной литературы] легкого содержания, а вся беда от Поль де Кока-то-с... вот!..

Молодой человек с сожалением посмотрел на господина в енотах, который, казалось, окончательно сбился, замолчал, глядел на него, бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, без всякой видимой причины, хватал его за лацкан бекеши.

- Вы спрашиваете, кто здесь живет? - спросил молодой человек, несколько отступая назад.

- Да, многие живут, вы сказали.
- Здесь... я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнованием.
- Ну, вот видите, видите! Вы что-нибудь знаете, молодой человек?
- Уверяю вас, нет, ничего не знаю... Я судил по расстроенному вашему виду.
- Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне...она с ней незнакома...
- Нет? Ну, извините-с...
- Видно, что вам это все неинтересно, молодой человек, проговорил странный господин с горькой иронией.
- Послушайте, сказал молодой человек, заминаясь, я в сущности не знаю причины вашего состояния, но вам, верно, изменили, вы скажите прямо?

Молодой человек одобрительно улыбнулся.

- Мы по крайней мере поймем друг друга, прибавил он, и все тело его великодушно обнаружило желание сделать легкий полупоклон.
- Вы убили меня! Но откровенно признаюсь вам именно так... но с кем не случается!.. До глубины тронут вашим участием. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молод, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостёжью, известно...

Ну, уж известно, известно! Но чем же я могу вам помочь?

- А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну... Впрочем, я еще не знаю наверное, куда пошла эта дама; я знаю только, что она в этом доме; но, видя вас прогуливающимся, - а я сам прогуливался по той стороне, - думаю... я вот, видите ли, жду эту даму... я знаю, что она тут, - мне бы хотелось встретить

ее и объяснить, как неприлично и гнусно... одним словом, вы меня понимаете...

- Гм! Ну!
- Я и не для себя это делаю; вы не подумайте это чужая жена! Муж там стоит, на Вознесенском мосту; он хочет поймать, но он не решается он еще не верит, как и всякий муж... (тут господин в енотах хотел улыбнуться), я друг его; согласитесь сами, я человек, пользующийся некоторым уважением, я не могу быть тем, за кого вы меня принимаете.
- Конечно-с; ну-с, ну-с!..
- Так вот, я все ее ловлю; мне поручено-с (несчастный муж!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вечно Поль де Кок под подушкой); я уверен, что она прошмыгнет как-нибудь незаметно... Мне, признаюсь, кухарка сказала, что она ходит сюда; я как сумасшедший бросился, только что известие получил; я хочу поймать; я давно подозревал и потому хотел просить вас, вы здесь ходите... вы вы я не знаю...
- Ну, да, наконец, что ж вам угодно?
- Да-с... Не имею чести знать вас; не смею любопытствовать, кто и как... Во всяком случае, позвольте познакомиться; приятный случай!..

Дрожащий господин жарко потряс руку молодого человека.

- Это бы я должен был сделать в самом начале, - прибавил он, - но я забыл все приличие!

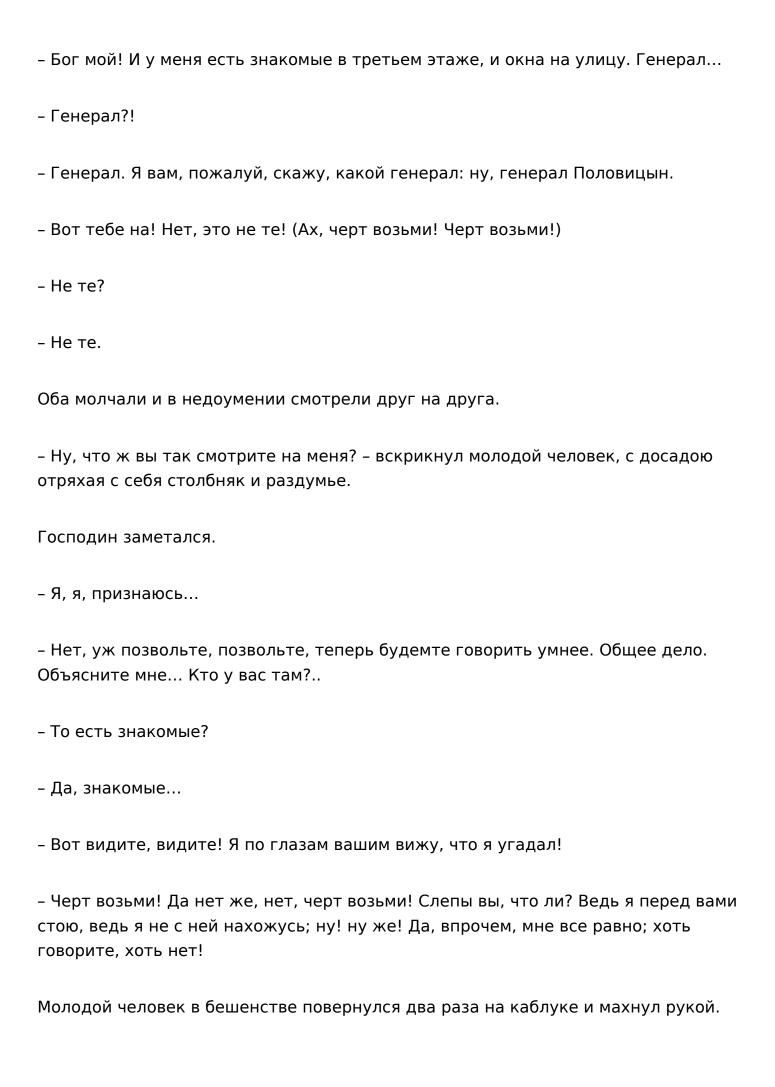
Говоря, господин в енотах не мог постоять на месте, с беспокойством оглядывался по сторонам, семенил ногами и поминутно, как погибающий, хватался рукою за молодого человека.

– Видите ли-с, – продолжал он, – я хотел обратиться к вам по-дружески... извините за вольность... хотел испросить у вас, чтоб вы ходили – по той стороне и со стороны переулка, где черный выход, эдак, покоем, описывая букву П, то есть. Я тоже, с своей стороны, буду ходить-с у главного подъезда, так что мы не

пропустим; а я все боялся один пропустить; я не хочу пропустить. Вы, как увидите ее, то остановите и закричите мне...Но я сумасшедший! Только теперь вижу всю глупость и неприличие моего предложения!

- Нет, что ж! Помилуйте!..
- Не извиняйте меня; я в расстройстве духа, я теряюсь, как никогда не терялся! Точно меня под суд отдали! Я даже признаюсь вам я буду благороден и откровенен с вами, молодой человек: я даже вас принимал за любовника.
- То есть, попросту, вы хотите знать, что я здесь делаю?
- Благородный человек, милостивый государь, я далек от мысли, что вы он; я не замараю вас этою мыслию, но... но даете ли вы мне честное слово, что вы не любовник?..
- Ну, хорошо, извольте, честное слово, что любовник, но не вашей жены; иначе бы я не был на улице, а был бы теперь вместе с нею!
- Жены? Кто вам сказал жены, молодой человек? Я холостой, я, то есть, сам любовник...
- Вы говорили, есть муж... на Вознесенском мосту...
- Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другие узы! И согласитесь, молодой человек, некоторая легкость характеров, то есть...
- Ну, ну! Хорошо, хорошо!
- То есть я вовсе не муж...
- Очень верю-с. Но откровенно говорю вам, что разуверяя вас теперь, хочу сам себя успокоить и оттого собственно с вами и откровенен; вы меня расстроили и мешаете мне. Обещаю вам, что кликну вас. Но прошу вас покорнейше дать мне место и удалиться. Я сам тоже жду.

- Извольте, извольте-с, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпение вашего сердца. Я понимаю это, молодой человек. О, как я вас теперь понимаю! - Хорошо, хорошо... - До свидания!.. Впрочем, извините, молодой человек, я опять к вам... Я не знаю, как сказать... Дайте мне еще раз честное и благородное слово, что вы не любовник! - Ах, господи, бог мой! - Еще вопрос, последний: вы знаете фамилию мужа вашей... то есть той, которая составляет ваш предмет? - Разумеется, знаю; не ваша фамилия, и кончено дело! - А почему ж вы знаете мою фамилию? - Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдет тысячу раз... Ну, что же вы? Ну, ваша в лисьем салопе и в капоре, а моя в клетчатом плаще и в голубой бархатной шляпке... Ну, что ж вам еще? Чего ж больше? В голубой бархатной шляпке! У ней есть и клетчатый плащ и голубая шляпка, закричал неотвязчивый человек, мигом возвратившись с дороги. - Ах, черт возьми! Ну, да ведь это может случиться... Да, впрочем, что ж я! Моя же туда не ходит! - А где она - ваша? Вам это хочется знать; что ж вам? - Признаюсь, я все про то... - Фу, бог мой! Да вы без стыда без всякого! Ну, у моей здесь знакомые, в третьем этаже, на улицу. Ну, что ж вам, по именам людей называть, что ли?

- Да я ничего, помилуйте, как благородный человек, я вам все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она им родня; я и не подозревал; вчера встречаю его превосходительство: говорит, что уж три недели как переехал отсюда на другую квартиру, а же то есть не жена, а чужая жена (на Вознесенском мосту), эта дама говорила, что еще третьего дня была у них, то есть на этой квартире А кухарка-то мне рассказала, что квартиру его превосходительства снял молодой человек Бобыницын
- Ах, черт возьми, черт возьми!
– Милостивый государь, я в страхе, я в ужасе!
– Э, черт возьми! Да мне-то какое дело до того, что вы в страхе и в ужасе? Ax! Вон-вон мелькнуло, вон
– Где? Где? Вы только крикните: Иван Андреич, а я побегу
– Хорошо, хорошо. Ах, черт возьми, черт возьми! Иван Андреич!!
– Здесь, – закричал воротившийся Иван Андреич, совсем задыхаясь. – Ну, что? что? где?
– Нет, я только так я хотел знать, как зовут эту даму?
– Глаф
– Глафира?
– Нет, не совсем Глафира извините, я вам не могу сказать ее имя. – Говоря это, почтенный человек был бледен, как платок.
– Да, конечно, не Глафира, я сам знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а впрочем, с кем же она?
- Где?

– Там! Ах, черт возьми, черт возьми! (Молодой человек не мог устоять на месте от бешенства.)
- А, видите! Почему же вы знали, что ее зовут Глафирой?
– Ну, черт возьми, наконец! Еще с вами возня! Да ведь вы говорите – вашу не Глафирой зовут!
– Милостивый государь, какой тон!
– А, черт, не до тону! Что она, жена, что ли, ваша?
- Нет, то есть я не женат Но не стал бы я сулить почтенному человеку в несчастье, человеку, - не скажу достойному всякого уважения, но по крайней мере воспитанному человеку, черта на каждом шагу. Вы все говорите: черт возьми! черт возьми!
– Ну да, черт возьми! Вот же вам, понимаете?
– Вы ослеплены гневом, и я молчу. Боже мой, кто это?
- Где?
Раздался шум и хохот; две смазливые девушки вышли с крыльца; оба бросились к ним.
– Ах какие! Что вы?
- Куда вы суетесь?
- Не те!
– Что, не на тех напали! Извозчик!
- Куда вас, мамзель?

– К Покрову; садись, Аннушка, я довезу.
– Ну, а я с той стороны; пошел! Смотри же, шибче вези
Извозчик уехал.
- Это откуда?
- Боже мой, боже! Но не пойти ли туда?
- Куда?
– Да к Бобыницыну.
– Нет-с, нельзя
- Отчего?
– Я бы, конечно, пошел; но тогда она скажет другое; она обернется: а ее знаю! Она скажет, что нарочно пришла, чтоб меня поймать с кем-нибудь, да беду на меня же и свалит!
– И знать, что, может быть, там она! Да вы – я не знаю, почему же – ну, да вы подите к генералу-то
– Да ведь он переехал!
- Все равно, понимаете? Она же ведь пошла; ну, и вы тоже - поняли? Сделайте так, что как будто не знаете, что генерал переехал, приходите как будто к нему за женой, ну и так далее.
- А потом?
– Ну, а потом накрывайте кого следует у Бобыницына; фу, ты, черт, какой бестолк

- Ну, а вам-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..
- Что, что, батенька? Что? Опять за то же, что прежде? Ах, ты, господи, господи! Срамитесь вы, смешной человек, бестолковый вы человек!
- Ну, да зачем же вы так интересуетесь? Вы хотите узнать...
- Что узнать? Что? Ну, да, черт возьми, не до вас теперь! Я и один пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бегайте там, ну!
- Милостивый государь, вы почти забываетесь! закричал господин в енотах в отчаянии.
- Ну, что ж? Ну, что ж, что я забываюсь? проговорил молодой человек, стиснув зубы и в бешенстве приступая к господину в енотах, Ну, что ж? Перед кем забываюсь?! загремел он, сжимая кулаки.
- Но, милостивый государь, позвольте...
- Ну, кто вы, перед кем забываюсь; как ваша фамилия?
- Я не знаю, как это, молодой человек; зачем же фамилию?.. Я не могу объявить... Я лучше с вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готов... Но, поверьте, я заслуживаю более вежливых выражений! Не нужно нигде терять присутствия духа, и если вы чем расстроены, я догадываюсь чем, то по крайней мере забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человек!..
- Да что мне, что вы старый? Эка невидаль! Ступайте прочь; чего вы тут бегаете?..
- Почему ж я старый? Какой же я старый? Конечно, по званию, но я не бегаю...
- Это и видно. Да убирайтесь же прочь...
- Нет, уж я с вами; вы мне не можете запретить; я тоже замешан; я с вами...

– Ну, так тише же, тише, молчать!
Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лестницу в третий этаж; было темнехонько.
- Стойте! Есть у вас спички?
- Спички? Какие спички?
- Вы курите сигары?
- А, да! Есть, есть; здесь они, здесь; вот, постойте Господин в енотах засуетился.
- Фу, какой бестолков черт! Кажется, эта дверь
– Эта-эта-эта-эта
- Эта-эта-эта что вы орете? Тише!
- Милостивый государь, я скрепя сердце вы дерзкий человек, вот что!
Конец ознакомительного фрагмента.
notes
Примечания
1

Поль де Кок - французский писатель XIX в., чье имя стало символом фривольной
литературы
Купить: https://tellnovel.com/fedor-dostoevskiy/chuzhaya-zhena-i-muzh-pod-krovat-yu
надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити